

БАЛБИР МАДХОПУРИ

БОЛЬ РАЗБИТОГО ЗЕРКАЛА

(ГЛАВА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ «ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО»)*

BALBIR MADHOPURI

Tikḍe śīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror

(A CHAPTER FROM *Chāngiā rukh / Against the Night*)

© 2021 **Балбир Мадхопури**

писатель, директор Панджабского литературного общества, главный редактор журнала «Самкали сахит» («Современная литература»), Нью-Дели, Индия; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Balbir Madhopuri

Writer, Director of Punjabi Sahit Sabha, Editor of the Samkali Sahit Magazine, New Delhi, India; bmadhopuri@yahoo.in
ORCID ID: 0000-0002-5232-0618

Анна Викторовна Бочковская

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

Anna V. Bochkovskaya

PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
anna.bochkovskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

* Перевод главы «Боль разбитого зеркала» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2019]. Публикуется с разрешения автора. Предыдущие главы книги см. в [Бочковская, 2020а-d]— *Здесь и далее прим. перев.*

Публикация представляет собой комментированный перевод с хинди главы из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāngiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. Он родился и вырос в квартале чамаров-неприкасаемых в панджабской деревне Мадхопур на северо-западе Индии, прошел непростую школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. Его перу принадлежат множество сборников стихов, рассказов и эссе на панджаби; в 2020 г. вышел его новый роман «И возговорила земля...» (*Miṭṭī bol paī*), рассказывающий о движении *ад-дхарм* в среде панджабских неприкасаемых в 1920–1940-х годах. Балбир Мадхопури перевел на свой родной язык 36 произведений мировой художественной литературы и выступил в качестве редактора 44 книг. В 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби.

Автобиография «Обрубленное дерево» переиздавалась 15 раз, в том числе на хинди, урду и панджаби в графике шахмукхи; она включена в программы панджабских школ и целого ряда гуманитарных вузов Индии. В своей книге автор делится детскими и юношескими воспоминаниями и эмоциями, подтолкнувшими его к борьбе за выход из круга нищеты и несправедливости. Глава «Боль разбитого зеркала» повествует о радостях и печалях, надеждах и страхах, которые наполняли детство автора и жизнь его семьи в Мадхопуре в 1960–1970-х годах. Рассказ о повседневной жизни деревни, о непростых взаимоотношениях ее обитателей переплетаются с размышлениями Балбира Мадхопури о социальной несправедливости и кастовом неравенстве, сохраняющихся в индийском обществе и поныне.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература

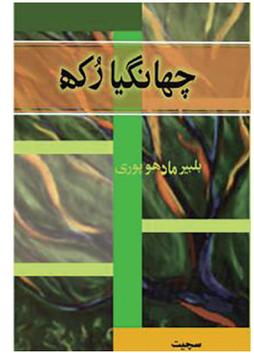
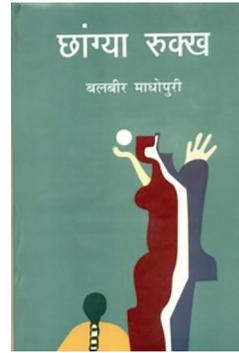
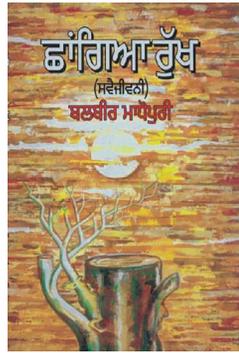
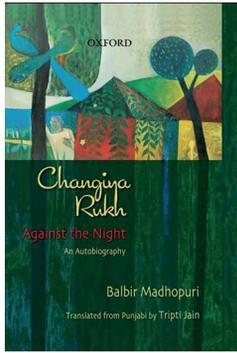
Для цитирования: Мадхопури Б., Бочковская А. В. Боль разбитого зеркала (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 180–189. DOI 10.18254/S268684310018011-0

The commented translation of a chapter from the *Chāngiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist, and social activist, brings forward episodes from the life of Dalit inhabitants of a Punjab village in the 1960–1970s. Following the school of hard knocks of his childhood in the chamar quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. He has authored 14 books, including three volumes of poetry, translated 36 pieces of world literary classics into Punjabi, his mother language, and edited 44 books in Punjabi. In 2014, he was awarded the Translation Prize from India's Sahitya Academy for his contribution to the development and promotion of Punjabi. His new fiction novel *Miṭṭī bol paī* (*Earth Has Spoken*, 2020) focuses on the struggle of downtrodden Punjabis for their human rights and the *ad-dharam* movement in the North of India in the 1920–1940s.

Narrating his autobiography, Balbir Madhopuri shares memories, thoughts, and emotions from childhood and youth days that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation, and injustice. The chapter *Tikḍe šīše kī vyathā* (*The Tale of the Cracked Mirror* [Madhopuri, 2010]) tells readers about the everyday life of Madhopur, complicated relationships between the village inhabitants, as well as about the destinies of low-caste Punjabis. Memories of joys and sorrows, hopes and fears of the childhood years go side by side with Balbir Madhopuri's reflections on social oppression and caste inequality that remain in contemporary India's society.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature

For citation: Balbir Madhopuri, Anna V. Bochkovskaya *Tikḍe šīše kī vyathā / The Tale of the Cracked Mirror* (A Chapter from *Chāngiā rukh / Against the Night*). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 180–189. DOI 10.18254/S268684310018011-0

Обложки различных изданий автобиографии Балбира Мадхопури

— Я не я, если не растопчу в порошок всех этих чамаров¹! — орал *заминдар*², в ярости несясь по центральной дорожке к баньяну и *пипалу*³, что росли напротив нашего дома. Там он продолжал вопить и бесноваться.

— Что случилось, сардара⁴, что вы так сердитесь? — спросил старый *тайя*⁵ Банта, появившийся из своего дома. В одной руке он держал плетеную корзинку с курительными трубками, а в другой — кальянную чашечку.

— Нарезали траву на корм с моего поля — мол, режут сорняки и траву! Как будто это их отца поле!

На его крик из соседних домов вышли и старые, и малые. Их одежда была запачканной и грязной, вся в дырах и заплатках, пропахшая потом. Они были босиком. Растрескавшиеся пятки женщин с извилистыми полосками глубоко вьвшейся в них грязи казались трещинами в иссохшей земле на полях, будто измученных долгой засухой.

Они стояли полукругом — ошеломленные, испуганные — и молча глядели друг на друга. Я чувствовал, что на кого-то сейчас обрушится беда. Мое сердце быстро и громко колотилось от страха.

— Мы за урожаем день и ночь ходим, под ногами сплошные змеи, а это стадо рушит все на своем пути! То кукурузу рвут, то зелень, то тростник ломают, а то и бобов наберут! — От непрерывного громкого крика у него в уголках губ собиралась слюна, которую он то и дело сплевывал: «Тьфу-тьфу!»

— Сардара, скажи, кто это был? А я их спрошу — тут, при тебе же, — терпеливо ответил ему *тайя* Банта.

— Хватит!! Что — из другой деревни пришли что ли? Все они на одно лицо! Теперь никто не признаётся! Надо было дупатту⁶ с них содрать прямо там, на поле! Тьфу-тьфу! — за эту привычку его так и звали в деревне — «Тьфу-тьфу».

— Куда нам еще идти — каминам-поденщикам? Только на краю твоих полей и можем траву набрать. Мы же еще и за буйволами твоими смотрим! — сказал *тайя* Банта, стараясь прекратить разговор.

— Не умничай тут! Смотришь за нашими буйволами — как будто тебе не дают то, что причитается!.. И потом еще надуваешься и заявляешь, что вашим — три части, а нашим — две!

Спор сам собой перешел на выяснение кто кому что должен, и обстановка накалилась. *Тайя*

1 Чамары — кожевники, метельщики, поденные работники (низкая каста).

2 *Заминдар* — землевладелец.

3 *Пипал* (*Ficus religiosa*) — фикус священный, смоковница священная.

4 *Сардар* — уважительное обращение к сикху; глава, вождь, предводитель.

5 *Тайя* — дядя (старший брат отца); уважительное обращение к старшему.

6 *Дупатта* — широкий легкий шарф/шал.

Банта чуть помолчал и затем очень смиренно сказал:

— Сардара, этот вопрос — пандж-дуванджи⁷ — непростой. То буйволица никак не понесет, то болеть примется пока с теленком ходит, а то и бесплодной окажется, и тогда ее на забой отправлять надо. Вот Тхакар тут ходил-ходил за бурой буйволицей два с половиной года, она все болела, а когда телиться стала, околела... Мы тоже тратимся... Ну кто стал бы резать посевы на твоём поле...

— Чушь не носи! Говори, кто потравил мой урожай, или я панчайт⁸ соберу!

— Дай бог тебе процветания! Не сердись больше... — произнес *тайя*, пытаясь завершить спор, поставил корзинку на землю и почесал залысину.

— Не соображают ничего эти чамары! — в ярости завопил Тьфу-тьфу. Вывернул назад правую ногу, пытаясь стянуть с нее кожаный шлепанец.

— Давай! Делай как знаешь! Что пугать нас, коль скоро никто не протестует! Вон спроси старика-нанга⁹, отпустил я его на днях — так уж он меня упрасивал, а не то кишки из него выпустил бы! — внезапно разозлился Пхумман, сын моего *тайи*; он уже учился в десятом классе. Пхумман угрожающе взмахнул правой рукой.

Все замерли как вкопанные — как будто грянул гром. У меня от страха дрожали ноги и все тело. Стоявшая рядом мама глянула на меня сквозь прикрывавший лицо край сари, передала мне на руки младшую сестренку и ушла домой. Лица соседок — всех моих *чачи-таи*¹⁰ — были скрыты под накидками; они их то и дело поправляли, чтобы лучше разглядеть происходящее вокруг.

Тайя Банта и другие люди схватили Пхуммана за руки и попытались увести его, но он никого не слушал и в ярости кричал:

— Всякие тут шляются, как ругаться — так сюда! Вырывают у женщин серпы-мотыги, дупатту сдерживают! Так и повелось! Может, траву ваши же и срезали, а вините нас! И не слушает нас никто!

— Ладно, в полицейском участке разберемся! Там и встретимся! Чушь несешь! — Тьфу-тьфу снова стал угрожать.

— Другим грози! Прошло то время, когда все они кланялись тебе! — последовало в ответ от Пхуммана. Через секунду он продолжил:

— Правду услышал и злитесь! Сам сюда таскаешься каждый день — пугать и грозить!

Я наблюдал за происходившим, и мне то казалось, что все вот-вот дойдет до драки, то — что вроде бы обошлось. Меня пугал страх на лицах людей вокруг. Во рту пересохло, горло перехватил спазм. Ноги стали ватными, меня знобило. Я думал, что вот-вот упаду, уроню сестру, и она ударится головой.

— Вот получите башмаком — мозги впрутятся. У тех, кто сейчас голос поднял! Сын вдовы (это относилось к моей тетке) и лошадь купца никогда не пойдут верной дорогой! — Тьфу-тьфу снова испустил порцию злости. Чуть помолчав, добавил потише:

— Воробьи, мыши, чамары — эти плодятся как никто!

— Соображай, что говоришь, или бороду твою выдеру! Сначала отца своего спроси: кто прутом мою мать ударил — тот потом носом землю обтирал в полицейском участке. Тут все говорят: хочешь — веди нас в гурдвару¹¹, если тебе что-то плохое сделали! А ты все угрозами сыплешь! — выпалил Пхумман, вырываясь от *тайи* Банты и других старших. Его брови были нахмурены, лоб наморщен. Он кричал, и изо рта у него летели брызги слюны.

Когда я услышал, насколько храбро звучит Пхумман, который всего на восемь или десять лет старше меня, я вновь ощутил под собой

7 Пандж-дуванджи — здесь: соотношение 2:3.

8 Панчайт — орган местного самоуправления, обычно состоящий из пяти и более человек.

9 Нанги («нагие») — здесь: семья в деревне, старшие в которой обычно носили только набедренную повязку.

10 Чачи-таи — тетки: чачи — жена младшего брата отца, таи — жена старшего брата отца.

11 Гурдвара (букв. «врата Гуру») — сикхский храм.

ноги. В тот же момент меня захватила мысль, что я тоже должен быть храбрым и бесстрашным, как Пхумман, и давать отпор всем, кто пытался нас запугать. Когда вырасту, тоже никому не буду поддаваться, буду говорить со всеми уверенно. У меня будут собственные земли, я буду их обходить, покручивая усы — как сыновья *намбардаров*¹².

В это время появился мой *тайя* Рама и сразу принялся бранить Пхуммана:

— Что ты шум поднял? Марш домой, не то трепку задам!

— Тем, кто травит нас без конца, никто и слова не скажет! Мы что, чужие здесь, что они нашу жизнь невесть во что превращают?! Все поносят нас, в страхе держат! Земля — их, и что теперь, они для нас — боги? Прямо кормилицы наши! Если бы мы столько на ваших полях не вкалывали, вы с голоду бы подошли! Тогда вечером ни выпить, ни скандал закатить — как это у вас обычно! — он кричал громко, без остановки. Слюна со рта летела мелкими брызгами, глаза налились кровью от злости, все его темное тело сжалось подобно пружине.

Я впервые видел, чтобы Пхумман так разговаривал, хотя его строптивый нрав был всем известен, и мы знали, что когда он был уверен в своей правоте, то не уступал ни в чем. Сегодняшняя перепалка потрясла меня. Я боялся, что теперь сюда прибегут *заминдары*, вооруженные палками-*латхи*.

Внезапно послышался звон колокольчиков, и всеобщее внимание переключилось в ту сторону. Это был *саньяси*¹³, который подошел и встал рядом со всей толпой. Но он продолжать переступать ногами, как будто все еще шел — так мы с друзьями в школе маршировали на месте, на «раз-два». Я забыл о сложности момента и при-

нялся подражать *саньяси*. И остановился, лишь когда тот спросил:

— Что вы, братья, здесь говорили о земле? В конце концов все здесь и останется, ничего с собой не возьмешь.

Он говорил на смеси хинди и панджаби и по-прежнему переступал с ноги на ногу. Женщины и девушки разошлись по домам, а остальные слушали, что говорит *саньяси*. Он поведал о том, что надо обуздывать страсти — похоть, гнев, алчность, заносчивость и гордыню — и наконец, приподняв *дхоти*¹⁴, продемонстрировал пенис, проколотый медным кольцом. Мы, мальчишки, были поражены. Он говорил об освобождении от мирских желаний. Благодаря ему через несколько мгновений обстановка разрядилась. *Тайя* сказал Тьфу-тьфу:

— Все объясню всем. Больше никто не сделает тебе ничего плохого. Не беспокойся, забудь об этом.

— Ты член панчаята, как я могу тебе отказать? Скажи Пхумману, что он молод и должен думать, что говорит. Если б мои сыновья услышали — кто знает, что они от злости бы сотворили. Джат¹⁵ в ярости может землю продать, чтобы человека убить!

— Иди уже, иди отсюда... — дал ему отповедь *тайя*.

Как раз в это время снохи моего *тайи* подошли к нашему дому. Я покинул сборище и побежал к ним. *Бхабхи*¹⁶ Джито громко позвала:

— Чачи, отправь Гудда за лепешками!

Я оставил младшую сестренку дома, взял маленький поднос для лепешек-*роти* и кусок ткани и присоединился к своим невесткам. Это было моей ежедневной обязанностью. Мой отец работал на полях то одного *заминдара*, то другого, и мы приходили к их домам, сидели на земле во

12 *Намбардар* — престижная административная должность в деревне. *Намбардары* назначались англичанами из числа землевладельцев-*заминдаров* для сбора налогов и (совместно с полицейскими) контроля за порядком; должность передавалась по наследству.

13 *Саньяси* — аскет.

14 *Дхоти* — мужская бесшовная одежда: кусок ткани оборачивают вокруг бедер, один конец пропускают между ног и закрепляют на поясе.

15 *Джаты* — состоятельная земледельческая и землевладельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

16 *Бхабхи* — невестка.

дворике, приготовив посуду для *роти*. Их женщины, слегка наклонившись, кидали нам лепешки, и мы исхитрялись ловить их двумя руками. Так же они плескали в наши миски *дал*¹⁷ и *саг*¹⁸, и иногда горячие брызги падали нам на ноги, оставляя маленькие ожоги.

В таких случаях я часто вспоминал о том, что было раньше... Я видел, как мой отец складывал пшеницу и кукурузу в амбарах Икбала Сингха и бормотал: «Сегодня мы босиком ходим по этому зерну, а как его сложили — нельзя к нему прикасаться, оскверним его... Кто завтра позволит нам зайти сюда!»

Осквернение ... То и дело я соприкасался с этим словом — как веревка со стенками нашего колодца, обтрепанная от постоянного трения. У моих мыслей внезапно выросли крылья — подобно тем, что насекомые расправляют в сезон дождей. Я думал о том, как *заминдары* ухаживают за скотиной — чистят ее, купают, поят, всячески обхаживают. Их собаки свободно бродят по двору, даже на кухню заходят. Дети с кошками возятся, котят молоком поят... А Бапу и такие, как он: носят с собой свои стаканы и миски. Работают на *заминдаров* целыми днями, и все равно те к животным относятся лучше, чем к людям! Я мечтал о том, что мне не придется заниматься столь тяжким трудом, что я как-нибудь выучусь, вырасту и уеду в Дели, буду там работать, как сын моей тетки, буду жить там, носить новую одежду — штаны и рубашки, никто меня не будет ругать, да и бояться будет некого.

Иногда Бапу приходилось поденно работать у семьи *заминдаров*, чью еду невозможно было есть. Он часто делился с нами:

— Не лезет в меня то, что эта противная тетка готовит — просто тошнит! Лепешки из баджры¹⁹, чечевичная похлебка — отвратительно приготовлено! Детей у нее нет, у этой злыдни!

Иногда заработок Бапу мама забирала натурой, а не деньгами: женщины-*джатти* давали ей *гур*²⁰, лук и чеснок, картофель, пшеницу, кукурузу, *маш*²¹, горох, чечевицу или другие продукты. Но Бапу язвительно замечал:

— Цену на свои же продукты задирают как хотят, а нам больше не платят. Работаем целыми днями, как скоты!

— Прекрати, сводим же концы с концами, — мама попыталась свернуть разговор.

— Да ты дома сидишь — что знаешь о том, как на солнце шкура сгорает?

— Кто с тобой спорит-то! Говорит — дома я сижу... — с этими словами мама ушла в дальнюю комнату и чем-то занялась.

После таких бесед Бапу, уставший и измотанный, обычно сидел на топчане-*чарпай* или растягивался на нем и сам себе говорил: «Если бы у нас хоть клочок земли был, как было бы хорошо! И кто его знает, какая сволочь отняла у нас землю! Если бы встретил этого гада, то сказал бы ему — повкальвай с наше, как раб. Если за пару дней задницу не надорвешь — попробуй, поймай меня!»

Покрасневшие глаза. Лоб в морщинах. Усталое напряженное лицо. Он говорил быстро, и его речь была полна горечи. В такие моменты я думал, что, когда вырасту, куплю землю и буду выращивать там бананы и манго, а около колодца посажу розы — как делают джаты у нас в деревне.

Дома шли постоянные ссоры из-за денег, особенно во время еды. Бапу, разозлившись, принимался швырять посуду. Грохот, доносившийся из кухни, было слышно во дворе. Казалось, что вот-вот угли в очаге вспыхнут сами собой. Я все время боялся, что отец ударит маму или отвесит ей оплеуху, срывая злость. После он затихал, сидел угрюмо и в конце концов ложился спать, не поужинав.

17 *Дал* — густая чечевичная подлива/похлебка.

18 *Саг* — традиционное панджабское блюдо из листьев горчицы.

19 *Баджра* — просняная культура.

20 *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.

21 *Маш* — бобовая культура.

В такие дни мама с грустью смотрела на брата и меня, а отца это бесило.

— Что мне теперь — пойти повеситься? Тысячу раз говорил, нет у меня денег! Каждый день одно и то же, ругаешься, жалуешься! Что, дети только твои, не мои тоже? — голос Бапу звучал и зло, и беспомощно.

— Не смотри на меня так, месяц закончился!

— Украсть мне что-нибудь что ли? Спрашивал, просил, но никто не готов платить ни пайсы, — Бапу злобно оборвал маму. Затем на него что-то нашло, и он заговорил:

— Вкальваю изо всех сил, но ничего не выходит! Судьба наша поганая такая! И за какие грехи это наказание? Лучше б не родиться вовсе — кому от этого хуже было бы? ... А тут еще ты!..

— Успокойся! Хоть раз послушай других. Говорю же — завтра байсакхи²², сходи с ними на рассвете искупаться!

Как будто капли дождя пролились на горящие угли. Бапу потерял волосы под *ангочхой*²³ и согласился:

— Хорошо, как скажешь.

На следующее утро перед восходом солнца Бапу повел нас с Бирджу в южную часть деревни. Мы шагали молча, и луна, казалось, следовала вместе с нами. По обеим сторонам тропинки росли тростник и кусты, шелестевшие от ветерка. В какой-то момент от их перешептывания мне стало страшно, как будто волна ужаса поднялась внутри. Я нагнал старшего брата и схватил его за руку. Когда мы дошли до тропинки у деревни Джандир, из ямы, где выпаривали тростниковый сок для *гура*, выскочила собака и принялась лаять. За ней прибежали ее щенки. Бапу попытался отогнать их и остался стоять там, а нам велел уходить побыстрее.

— Ой! Больно! — мне в подошву вонзились шипы упавшей на тропинку ветки кустарника. Подвывая, я тут же сел на землю. Бапу вытащил

колючки одну за другой и, положив руку мне на ногу, спросил:

— Сейчас не болит?

Чуть оглядевшись, я понял, что это то самое место, куда я прошлой весной приходил с Манги — сыном моего *тайи* и приятелями на праздник *байсакхи*. Деревенский староста установил прилавок с шариками-*голганна*²⁴. Киччхи и Пашу раздавали воду и мыли использованную посуду. Было много торговцев сладями и пирожками-*накора*. Юноши играли в *кабадди*²⁵, вокруг них полукругом стояли зрители — и молодые, и старые. У меня в ушах снова зазвучали звуки дудочки, которые я слышал, когда мы в тот раз уходили домой.

— Снимите одежду, быстро искупайтесь, и возвращаемся. Надо пшеницу убирать на полях Икбала Сингха, — распорядился Бапу. Стягивая свою старую грязную рубашку, предупредил: — Сидите здесь, у берега. Там дальше большая воронка.

Река текла с востока, окружала группы деревьев и тростниковые заросли и как будто что-то нашептывала, журча мимо нас. Луна подсвечивала гладкую поверхность воды, и мы видели, как в ней отражаются дрожащие тени деревьев и кустов.

Когда мы оделись, Бапу достал из торбы серп и срезал пять пучков тростника. Сложив руки, поклонился земле и сказал:

— О Мата²⁶, смилостивься, пусть у детей больше никогда не будет этой чесотки!

У нас с братом, действительно, была кожная инфекция — как собачья чесотка. Мы расчесывали себя до глубоких мокнущих ран. Дети в округе отказывались с нами играть. Даже наши домашние особо нас не выпускали, боясь, что мы кого-нибудь заразим. Мы чесались почти круглые сутки, ничего не могли с собой поделывать, прямо зло брало, до слез.

22 *Байсакхи* — праздник урожая и символ наступившего нового года; отмечается 14 апреля. Один из главных сикхских праздников.

23 *Ангочха* — тонкая накидка.

24 *Голганна* — небольшие шарики из тонкого хрустящего теста.

25 *Кабатти* — популярная в Индии командная игра, включающая элементы борьбы.

26 *Мата* — мать.

В школе все шли каникулы, новый семестр еще не начался. Недавно объявили результаты экзаменов, и я перешел в третий класс. Случись эта болезнь во время учебы, пришлось бы сидеть дома, как моему приятелю Сохану, и нельзя было бы гулять и играть. Все эти мысли крутились у меня в голове, пока я шел домой.

Когда мы вернулись, на мамином лице появилась некоторая надежда. Она нас успокаивала:

— Все раны заживут! Только не расчесывайте их ногтями». Затем, чуть помолчав, продолжала: — Всевышний нам поможет. Мы ничего плохого Ему не сделали.

Мы все еще вели разговоры, когда от двери раздалось:

*Гаурадже двенадцать исполнилось.
Парвати омовение совершает,
Шива хочет на нее любоваться...*

Трое святых-садху в тюрбанах с павлиньими перьями — такие обычно носили астрологи — ходили от дома к дому с пением про Гаураджу²⁷. Они обычно начинали с нашего дома, поскольку главная тропинка в деревне начиналась отсюда. Они звенели в колокольчики, один затягивал первую строфу, а двое других подхватывали. Их одежда казалась белоснежной, концы *дохоти* подоткнуты сзади за пояс. На плечах у них были накидки шафранового цвета.

Я отсыпал из глиняного горшка в кладовке миску муки и отправился к ним, и тут Бапу сердито сказал:

— Не мог поменьше взять? В доме зерна мало! Эти попрошайки — чем они заняты? День еще не наступил, а они уже тут — побираются!

— Кто знает, когда у них день начался, — тихо заметила мама.

— Они разместились под навесом у мельницы в Бхогпуре... Не из Наваншехра же идут! — за-

явил Бапу. — Эти сукины дети — наши! Сделались бхактами²⁸ Шивы и выпрашивают себе на жизнь тем, что распевают гимны во славу его красавицы-жены!

— Просить подаяние — это так просто? Сам бы попробовал!..

— Что я, больной что ли, подаяние просить!

На этих словах Бапу мама ушла во дворик, а я направился за *садху* к следующему дому.

Я очень внимательно слушал их песнопения. Они снова напомнили мне о цветной картинке с изображением Шивы и Парвати, закрепленной на зеркале во дворике Гурдаса — возле баньяна. Образ купающейся в пруду Парвати преследовал меня долгое время, и казалось, что в какие-то моменты я сам становлюсь Шивой. Мне это нравилось, но я никому не смел и заикнуться об этом.

Мама появилась на пороге входной двери с маленьким латунным ведерком; махнула мне рукой, чтобы я подошел, и попросила:

— Гудд, сбегай, принеси ласси²⁹ от Пало!

С ведерком в руке я вприпрыжку бежал к переулку, где жили джаты. Но около дома шеххчили³⁰ за *гурдварой* мои ноги всегда становились ватными и плохо двигались. Я думал: Бапу смотрит за их буйволами, купает их и чистит — под солнцем и в ливень, держит их в сухом месте во время дождей, кормит их. Но когда теленок вот-вот родится, буйволица возвращается к ним. Все хочется сказать Бапу: хоть раз оставь бы нам буйволицу! Будем пить молоко и *ласси*, а я буду играть с малышами.

Иногда мне казалось, что Бапу знал об этих моих желаниях. Джат Милкха Сингх хвастался, какой его внук сильный:

— Смотри, брат, мой Точи — Тарлочан Сингх — молоко пьет и молоком мочится!

И я тоже хотел быть таким, как он, — высоким, крепким и сильным.

27 Гаураджа, Гаури («светлая»), Парвати — имена супруги бога Шивы — светлокожей красавицы.

28 *Бхакт* — последователь, поклонник.

29 *Ласси* — сладкий охлажденный напиток из разбавленной молочной сыворотки.

30 *Шеххчили* — «глупый болтун» (прозвище семьи).

Я ставил ведро на просторном дворе бария³¹ и стоял, опустив голову. Разные мысли приходили мне на ум, подобно разбросанным в небе маленьким облачкам, и наполняли мое сердце печалью и тоской. Мне становилось противно, возникало ощущение, что я лечу в воздухе, и мое тело разваливается на части. Череду мыслей прерывалась, когда из дома звучал голос Пало:

— Гудд, зайди попозже, я только начинаю взбивать молоко!

У Пало мы брали молоко весь месяц. Первый заход к ней я делал по утрам: приносил молока — когда четверть, а когда и пол-литра. Но за *ласси* мне приходилось ходить несколько раз. А когда я не приносил его, Бапу ругал меня:

— Сейчас же иди, мама³²! Сто раз говорил — мне нужно *ласси*!

— Если тебе так надо, оставь на этот раз обещанных буйволиц — Мини и Бури. И тогда у детей будет еда...

— Смотри-ка — что она бормочет! А кто будет заминдарам деньги отдавать, что мы взяли на столбы для дома? Твой отец что ли?

— О чем бы ни говорил, вечно моих родителей вспомнишь! Поругаться хочешь, вот и перевираешь все!

— Целый день вкалываю как ишак, а она тут... — Бапу принялся зло бормотать, высыпая пепел из своего кальяна и снова наполняя чашечку.

Время от времени меня подмывало сказать Бапу, что не могу я идти через полдеревни за *ласси*, мне стыдно. Но следующим утром я снова брал ведро и шел просить *ласси* то к одному дому, то к другому. Так и продолжалось изо дня в день. Было здорово пить *ласси* утром и вечером. Если не было бобовой похлебки или тушеных овощей, мы довольствовались *ласси*, оно вошло

в привычку. Летом, когда коровы и буйволицы молока давали мало, с *ласси* было плохо, но нам его очень хотелось. Мы часто пили чай без молока, и Бапу пытался как-то успокоиться и бесконечно проклинал свою судьбу.

Весь в этих мыслях, я наблюдал, как *баба*³³ из Манакдхери с огромными котомками через плечо просит милостыню, следуя от дома к дому по улочке. В один прочный мешок из *кхади*³⁴ высыпает муку, в другой — черный нут. С *тилак*³⁵ на лбу и в одежде шафранового цвета он выглядел как *садху*. Подходил к каждой двери и громко звал:

— Биби-джи³⁶, завтра полнолуние, а еще затмение будет!

Я по наивности удивлялся — откуда он знает про завтрашнее затмение? И только тогда понял, когда увидел у него длинную тонкую книжку, сверяясь с которой он сообщал людям то, что их интересовало. Тогда, думал я, когда он придет за милостыней в наш дом, спрошу у него — останется ли буйволица Мини у нас? Если нет, попрошу его устроить, чтобы это произошло — как он устраивает разное для тех, кто дал ему зерно. А еще спрошу его, будет ли у нас когда-нибудь большой дом и терраса, как у брахмана Ратты. Скажу ему, как в деревне говорят другие, — сделай что-нибудь, чтобы изменить нашу судьбу. Но то, что было у меня на душе, так и осталось невысказанным, потому что, выпив чаю в доме *таи* Таро (а это был джатский дом), он удалялся по соседнему переулку. Из-за этого хрупкое зеркало моей души разбивалось, и тихая боль наполняла меня, переливаясь внутри как кровь. И меня никак не оставлял вопрос: почему же этот *баба*, который превратился в *садху*, не идет в наш квартал просить подаяния?

31 Бария — здесь: джаты, переехавшие в восточную часть Панджаба из дистрикта Лайалпур (область Бар; в 1947 г. отошла Пакистану), когда в XIX в. британская колониальная администрация начала работы по строительству системы каналов в междуречьях Инда.

32 Мама — дядя (брат матери); также используется как обращение к молодым людям.

33 Баба — уважительное обращение к старшему; отец; дед.

34 Кхади — грубая домотканая материя.

35 Тилак — знак принадлежности к касте, наносимый краской на лоб.

36 Биби — госпожа; джи — гонорифическая частица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Баньян — «дерево чамаров» (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020а. № 1 (11). С. 211–225 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. The Banyan Tree of the Chamars / *Hamārā, camārō kā bargad* (A Chapter from *Chāngiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020a. No. 1 (11). Pp. 211–225 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020b. № 2 (12). С. 324–333 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *My Birthplace Madhopur / Merī janmbhūmi — mādhopur* (A Chapter from *Chāngiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020b. No. 1 (11). Pp. 324–333 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. С чистого листа: зарубки в детской памяти (глава из авто-

биографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020с. № 3 (13). С. 249–264 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *Inscriptions on a Tender Mind / Kore kāgāz kī gabrī likhat* (A Chapter from *Chāngiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020с. No. 1 (11). Pp. 249–264 (in Russian)].

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Тернистый путь (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник ИВ РАН*. 2020d. № 4 (14). С. 233–246 [Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *The Thorny Path / Kāṭīlī rāhō ke rāhī* (A Chapter from *Chāngiā rukh / Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020d. No. 1 (11). Pp. 233–246 (in Russian)].

Madhopuri B. *Chāngiā Rukkh (Ātmakathā)*. New Delhi: Vani Prakashan, 2007. — 232 p.

Madhopuri B. *Chāngiā Rukh (Svaijīvanī)*. New Delhi: Navyug, (2002) 2019. — 236 p.

Madhopuri B. *Changiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi: Oxford University Press, 2010. — 248 p.

